

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 330.111.6

А. В. ДЛУГОПОЛЬСКИЙ,
*кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории
Тернопольского национального экономического университета*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Рассмотрены подходы к трактовке категории “социальный капитал”. Исследовано влияние “групп Олсона” и “групп Патнэма” на экономическое развитие развитых и развивающихся стран. Обосновано двойное влияние институтов на динамику экономического развития.

Ключевые слова: социальный капитал, институционализм, институты, реформы.

Some approaches to the interpretation of the category “social capital” are considered. The influences of “Olson groups” and “Putnam groups” on the economic development of developed and developing countries are studied. The double effect of institutions on the dynamics of economic development is substantiated.

Keywords: social capital, institutionalism, institutions, reforms.

Современная идеология реформ, системно проводящихся как в развитых странах мира, так и в развивающихся, базируется на достижениях новой политической экономии и институциональной теории, широко используя традиционный аппарат макро- и микроэкономики, теории международной торговли, экономико-математического моделирования. В последнее время особое значение в реформах придается институциональной модернизации, которая раньше практически не учитывалась в идеологиях реформаторов. Так, например, базовые принципы Вашингтонского консенсуса (табл. 1) полностью игнорируют институциональный фактор модернизации, зависимость от предыдущего развития стран, в которых осуществляются реформы, необходимость корректировки не только “фиаско государства”, но и “фиаско рынка”, а также слишком универсализируют характер высказанных рекомендаций, переоценивают эффективность разгосударствления и приватизации, что, по оценкам многих авторитетных ученых (таких, как Л. Клейн, Д. Родрик, Дж. Стиглиц, М. Алексеев, О. Богомолов, Д. Львов, П. Катышев, В. Полтерович)¹, губительно сказалось на социально-экономическом развитии стран, где проводилась модернизация в соответствии с требованиями Всемирного банка и МВФ.

¹ См.: Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу. “Вопросы экономики” № 8, 1998, с. 4–34; R o d r i k D. Understanding Economic Policy Reform. “Journal of Economic Literature” Vol. XXXIV, 1996, p. 9–41; K l e i n L. R., M a r s h a l l P. The New Russia: Transition Gone Awry. Stanford, Stanford University Press, 2000, 154 p.; Л ь в о в Д. Экономика развития. М., “Экзамен”, 2002, 236 с.; П о л т е р о в и ч В. М. Экономическая культура и трансформационный спад. “Экономика и математические методы” Т. 38, вып. 4, 2002, с. 23–31; К а т ы ш е в П. К., П о л т е р о в и ч В. М. Политика реформ, начальные условия и трансформационный спад. “Экономика и математические методы” Т. 42, № 4, 2006, с. 34–45.

Десять принципов Вашингтонского консенсуса

Принципы	Содержание принципов
1. Фискальная дисциплина	Обеспечение незначительного размера бюджетного дефицита с целью недопущения его финансирования через механизм инфляционного налога
2. Приоритеты государственных расходов	Сокращение экономически необоснованных расходов бюджета (на содержание бюрократического аппарата, на оборону и субсидии) и направление денежных средств в инфраструктурные проекты, на финансирование образования и здравоохранения
3. Налоговая реформа	Расширение налоговой базы и снижение предельных налоговых ставок
4. Финансовая либерализация	Установление процентных ставок рынком (отмена низких процентных ставок для привилегированных заимополучателей и достижение не слишком высокой реальной ставки процента)
5. Обменный курс	Поддержание единого обменного курса на уровне, достаточном для стимулирования экспорта
6. Либерализация внешней торговли	Замена торговых ограничений на тарифы, которые целесообразно постепенно снижать до 10% (как исключение, до 20%)
7. ПИИ	Отмена барьеров, препятствующих входу на внутренние рынки иностранных фирм (создание одинаковых условий для конкурирования национальных и иностранных компаний)
8. Приватизация	Максимальная приватизация государственных предприятий
9. Дeregулирование	Правительственная отмена норм, препятствующих созданию новых фирм или ограничивающих конкуренцию (исключение – безопасность и сохранение окружающей природной среды)
10. Права собственности	Обязанность судебной системы – обеспечить сохранение прав собственности без чрезмерных расходов

* Составлено на основе: Полтерович В. М. К руководству для реформаторов: некоторые выводы из теории экономических реформ. “Экономическая наука современной России” № 1, 2005, с. 7–24; Полтерович В. М. Трансформационный спад в России. “Экономика и математические методы” Т. 32, вып. 1, 1996, с. 121–128; Williamson J. What Washington Means by Policy Reform. In: Latin American Adjustment: How Much Has Happened. Ch. 2, 1990 (<http://www.iie.com>).

В частности, “провал” финансово-экономических реформ в странах Латинской Америки и Африки в конце XX – начале XXI в. (Мексика 1995 г., Аргентина 2001 г.), “крах иллюзий” быстрого восстановления ВВП после распада командно-административной системы в странах Восточной Европы и СНГ, следовавших указаниям Вашингтонского консенсуса², лишним раз подтверждают важность развития теории институциональных изменений, а также указывают на несовершенство нынешнего состояния ее разработки. Приведенные факты вовсе не означают необходимости обязательного “демонтажа” сформированных принципов, но требуют их корректировки по сути, дополнения, избирательного применения с учетом исторических и культурных особенностей стран, где осуществляются реформы, последовательной реализации процесса модернизации (например, Южная Корея использовала при реформировании экономики лишь пять первых базовых принципов Вашингтонского консенсуса).

² До 90-х годов падение ВВП стран Латинской Америки составляло ежегодно приблизительно 0,8%, а с 90-х годов показатели экономического роста не превышали 1,5% годовых. До начала 2000-х годов страны Балтии утратили до 40% ВВП, а Украина, Грузия и Молдова – до 65%.

Реформами нужно считать лишь целенаправленное изменение институциональной³ или технологической⁴ среды, в котором принимают участие агенты, разрабатывающие и реализующие план трансформации. Эти два типа реформ взаимосвязаны, ведь, если институциональная среда хорошо отработана и успешно поддерживает рыночные отношения (права собственности, конкуренцию, защиту контрактов), то технологическая модернизация протекает беспрепятственно, формируется интенсивный поток инноваций, происходит рост экономики. Спонтанное развитие экономических систем (когда, например, роль государства сводится лишь к формальному закреплению устоявшихся норм поведения) является скорее “инерционной трансформацией”, а не реформами в их классическом смысле.

Главной проблемой развивающихся стран в контексте формирования институциональной среды, которая бы способствовала развитию экономики в долгосрочном периоде, является некачественный социальный капитал, исследованию которого отечественной наукой уделено недостаточно внимания. “Триаду социального капитала” принято определять через совокупность норм поведения, доверия и сетевой деятельности⁵. Социальный капитал является совокупностью отношений, порождающих действия⁶, и эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие экономические агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Эту одновременную концентрацию ожиданий и обязательств принято обобщать категорией “доверие” (чем больше обязательств накоплено в обществе, тем выше уровень взаимности и, соответственно, уровень социального капитала). Именно через социальный капитал в обществе поддерживается порядок на основе доверия, взаимоуважения, учета индивидами не только частных, но и общественных интересов⁷ (своеобразная институциональная альтернатива государству, при помощи чего осуществляется вклад в экономическое развитие в “горизонтальном направлении”). Кроме того, от запасов социального капитала зависят эффективность функционирования формальных институтов и качество государственного управления (влияние на экономику в “вертикальном направлении”). Социальный капитал и формальные институты взаимодополняют друг друга, поскольку призваны решать общие задачи, а при достаточном запасе первого из них потребность в государственном регулировании значительно сокращается (минимальное применение политико-административного капитала, связанного со способностью одних агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других). Важнейшей функцией социального капитала является защита формальных институтов от их нецелевого использования (получения частной выгоды за общественный счет)⁸. В этом

³ Институциональная модернизация реализуется эволюционным путем, однако “затрагивает” практически все аспекты жизни общества (включая политическую систему).

⁴ Технологическая модернизация заключается в обновлении технологий, оборудования, продукции, методов организации и управления, а также в структурной перестройке экономики, предполагающей интенсификацию и инновации.

⁵ См.: Полицук Л., Меньшев Р. Экономическое значение социального капитала. “Вопросы экономики” № 12, 2011, с. 46–65.

⁶ См.: Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий. “Общественные науки и современность” № 3, 2001, с. 122–139; Бурдье П. Социальное пространство и генезис “классов”. М., “Socio-Logos”, 1993, 458 с.; Сысов С. А. К проблеме измерения социального капитала. “Теоретическая экономика” № 2, 2012, с. 42–50; Сысов С. А. К вопросу происхождения категории “социальный капитал”. “Научные труды ДонНТУ”. Серия: экономическая. Вып. 40-2, 2011, с. 213–218; Бузгалин А. В. “Социальный капитал” как превратная форма генезиса посткапиталистических отношений. “Альтернативы” № 4, 2010, с. 4–32.

⁷ См.: Coleman J. S. Foundations of Social Theory. Cambridge, Harvard University Press, 1990, 320 p.; Лоугу G. A Dynamic Theory of Racial Income Differences. In: Women, Minorities and Employment Discrimination. Lexington, “Lexington Books”, 1977, 310 p.

⁸ См.: Полицук Л. Нецелевое использование институтов: причины и следствия. “Вопросы экономики” № 8, 2008, с. 38–44.

контексте в условиях демократии особым общественным благом является подотчетность власти, а действенный контроль общества над ней требует существования такого типа социального капитала, как гражданская культура.

А. Токвиль впервые обратил внимание на важность социального капитала для развития общества, называя его “искусством объединения”. Ученый сравнивал особенности объединения в добровольные организации граждан во Франции и США (литературные и спортивные клубы, религиозные организации, профсоюзы, комитеты борьбы с рабством, насилием в семье и т. п.), полагая, что в США они более распространены и более активны, а это не может не способствовать развитию демократии. Благодаря развитию социального капитала в США немало социальных услуг предоставляются негосударственными организациями, тогда как во многих европейских странах их обеспечение — исключительная компетенция государства. Р. Солоу, из-за сложности измерения и идентификации социального капитала, предлагал называть его “общественными отношениями”, а Ф. Фукуяма понимает под ним нормы и ценности (формальные и неформальные), которые делают возможными коллективные действия в группах людей⁹.

Э. Бэнфилд в исследованиях ценностей и ориентаций сельских общин Южной Италии (так называемого “морального базиса” — *moral basis*) применил концепцию этоса (*ethos*), который он определяет как сумму характерных навыков, идей, стандартов и кодов, придающих группе особый и индивидуальный характер по сравнению с другими группами¹⁰. Анализируя обычаи южноитальянских общин, ученый делает акцент на сосредоточенности на материальных интересах семьи и нежелании действовать вместе для общего блага. Такой тип социальных ориентаций исследователь характеризует как “аморальную семейственность” (*amoral familism*), под которой понимает нормы поведения, согласно которым “ты должен сотрудничать лишь с членами своей основной семьи и пытаться использовать всех остальных, поскольку если ты первым не будешь использовать их, то они это будут делать с тобой”¹¹. Доминирование такого принципа сосуществования влечет за собой неспособность индивидов совместно решать общественные дела и разрыв связи между какими-либо абстрактными принципами (идеологиями) и поведением в повседневных ситуациях.

Некоторые гипотезы в отношении практического функционирования этоса “аморальной семейственности”, предложенные исследователем, подтверждаются практикой социально-экономического развития не только южных регионов Италии, но и большого количества развивающихся стран (в том числе Украины): 1) если государственный служащий является носителем этоса “аморальной семейственности”, то он, вероятно, будет брать взятки; 2) в обществе “аморальной семейственности” слабая общественная воля поощряет режим, поддерживающий порядок “сильной рукой”¹².

Известный исследователь феномена социального капитала и его роли в экономическом развитии Р. Патнэм понимает под ним способность объединений индивидов к коллективным действиям ради достижения общей цели¹³, а одним из ин-

⁹ См.: Fukuyama F. *Trust: The Social Virtues and The Creation of Prosperity*. New York, 1996, 306 p.

¹⁰ См.: Степаненко В. П. Національні закони та регіональні етоси: правова культура в українських регіональних вимірах. “Наукові записки Національного університету “Києво-Могилянська Академія” Т. 58: соціологічні науки, 2006, с. 48–58.

¹¹ См.: Banfield E. *The Moral Basis of a Backward Society*. Chicago, The Free Press Glencoe, 1958, p. 32.

¹² См.: там же, p. 92–96.

¹³ См.: Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy*. Princeton, Princeton University Press, 1993, 368 p.; Hellweil J. F., Putnam R. *Economic Growth and Social Capital in Italy*. “Eastern Economic Journal” Vol. 21, 1995, p. 295–307.

дикаторов его состояния в обществе считает “уважение к закону”. Правовое сознание и правовая культура ¹⁴ — интегральные и многомерные феномены, связанные с традициями, ценностями, устоявшимися обычаями граждан и общин в отношении к закону и институциям справедливости, а также с соотношением между обычным правом (неформальными нормативными установками и практиками) и формальной системой права. Проблема коллективных действий возникает в связи с предотвращением возможных “фиаско рынка” вследствие несогласованности частной и общественной выгод, когда действия участников исключительно в собственных интересах не обеспечивают Парето-оптимального использования имеющихся ресурсов (но могут способствовать равновесию по Нэшу). “Рыночных фиаско” помогает избежать согласованная координация действий, при которой каждый участник отказывается от индивидуально лучшего решения ради коллективного блага, в результате чего получает более высокий уровень выгод, чем в случае отсутствия такой координации. Фактически эта неформальная часть институциональной среды в качестве общественного ресурса “подпитывает” “модернизацию снизу”, тогда как формальные нормы и правила способны содействовать “модернизации сверху”.

Исследования социального капитала нередко сталкиваются с той проблемой, что “количественные исследования этого феномена “страдают” от несовершенства методологии и качества данных” ¹⁵. И хотя учеными уже сформирован приблизительный перечень показателей социального капитала в контексте инклюзии индивидов в социальную сеть и ее определяющие черты ¹⁶ (например, распространенность практик донорства, волонтерства, благотворительности; уровень коррупции; уклонение от уплаты налогов; степень привлечения общественности в процесс принятия политических решений; количество объединений граждан; активность избирателей; количество зарегистрированных преступлений; количество абонентов сети Интернет или мобильной связи), которые позволяют оценить благоприятность той или иной институциональной среды, однако все они связаны преимущественно с внешними факторами влияния на мотивацию (такими, как осуждение общественности за уклонение от благотворительных пожертвований в пользу больных и бедных; угроза санкций за несоблюдение налогового и антикоррупционного законодательства; государственная поддержка доноров; “подкуп” избирателей).

На наш взгляд, больший интерес представляет проблема внутренней мотивации в стимулировании развития социального капитала. Некоторые ученые ¹⁷ приводят случаи нарушения дипломатами правил парковки автомобилей в стране пребывания в качестве классических примеров недостаточной внутренней мотивации. Дискриминация мигрантов по разным признакам (расе, религии, языку, этнической принадлежности и гражданству) ¹⁸ также может служить примером недостаточного развития социального капитала в той или иной стране. Однако, поскольку оценить влияние внутренних факторов на социальный капитал при помощи метода формализации практически невозможно, это способствует междисциплинарной

¹⁴ См.: Степаненко В. П. Указ. труд, с. 49–50.

¹⁵ Гурьев С. Три источника — три составные части экономического империализма. “Общественные науки и современность” № 3, 2008, с. 18–32.

¹⁶ См.: Кнак S. Social Capital and the Quality of Government: Evidence from the States. “American Journal of Political Science” Vol. 16, № 4, 2002, p. 772–783; Полищук Л., Меньшев Р. Указ. труд, с. 46–65; Янишевский В. М. Методичні підходи до інтегральної оцінки інтелектуального капіталу регіону. “Демографія та соціальна економіка” № 2, 2010, с. 16–25.

¹⁷ См.: Fisman R., Miguel E. Corruption, Norms and Legal Enforcement: Evidence from Diplomatic Parking Tickets. “Journal of Political Economy” Vol. 115, № 6, 2007, p. 1020–1048.

¹⁸ См.: Степанова О. В. Накопичення соціального капіталу в системі інтеграції мігрантів. “Ефективна економіка” № 2, 2012 (<http://www.economy.nauka.com.ua>).

коммуникации экономики, социологии, права, а также интеграции экономических концепций в другие собственные науки. Р. Коуз по поводу ситуаций отсутствия достоверных данных при анализе социально-экономических процессов сформулировал теорию “экономики классной доски”, в которой он акцентировал внимание на невозможности учета всех факторных признаков и на отсутствии потребности в этом. “Часто экономическая политика рассматривает лишь те ситуации, которые решаются на классной доске. Вся необходимая информация является наперед заданной, а учитель “играет” за всех участников сразу: определяет цены, устанавливает налоги и распределяет субсидии (на доске) с целью повышения общественного благосостояния. Однако в реальной экономической системе нет никакого учителя. Нет никого, кому бы были доверены задачи, решаемые на классной доске”¹⁹. Следовательно, каждый экономический агент действует в условиях неопределенности и риска, сформированных “правил игры”, которые довольно трудно изменить, сопоставляя свои выгоды с потерями и на этой основе формируя стратегию поведения в определенной институциональной среде.

Среди большого количества форм капитала (экономический (в том числе денежный), производственный, товарный, природный, человеческий, организационный, символический, культурный)²⁰ именно для социального в большей мере присущи признаки общественного ресурса, ведь его основу формирует сеть социальных связей, которая используется для транслирования информации, экономии ресурсов, усиления доверия между партнерами, формирования индивидуальной репутации и превращения ее в достояние общества, мобилизации ресурсов для реализации общественных проектов, распространения достоверной информации между экономическими агентами, взаимного обучения правилам поведения. Однако в контексте теории коллективных действий М. Олсона²¹ нельзя однозначно утверждать, что социальный и политико-административный капиталы используются индивидами исключительно для достижения общественных целей и повышения эффективности функционирования организаций общественного сектора экономики. Условно индивидов можно поделить на две категории: “группы Патнэма”, целями деятельности которых являются достижение общественных выгод, сотрудничество и координация действий (концепция *homo reciprocans*), повышение “прозрачности” власти, и “группы Олсона”, которые преследуют собственные цели (концепция *homo economicus*), создают и распределяют блага исключительно между членами клуба.

Отметим, что деятельность чиновников, которые максимизируют личную целевую функцию, учитывая при этом общественные интересы (“группы Патнэма”), рассматривается в работах А. Амдена, А. Ведемана, П. Эванса, Б. Камингза, М. Кастельса, Р. Патнэма, Н. Флигстина и других²². Анализ активности чиновни-

¹⁹ Коуз Р. Фирма, рынок и право. М., “Дело”, 1993, 260 с.

²⁰ См.: Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. “Экономическая социология” Т. 3, № 4, 2002, с. 20–32; Армстронг М. Стратегическое управление человеческими ресурсами. М., “ИНФРА – М”, 2003, 327 с.; Чухно А. А. Інформаційна пост-індустріальна економіка: теорія і практика. К., “Логос”, 2003, 631 с.; Гришнова О. А. Соціальний капітал: сутність, значення та взаємозв'язок з іншими формами капіталу. “Україна: аспекти праці” № 3, 2009, с. 19–23.

²¹ См.: Олсон М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. М., Фонд экономической инициативы, 1995, 165 с.

²² См.: A m s d e n A. The State and Taiwan's Economic Development. In: Bringing the State Back. Cambridge, Cambridge University Press, 1985, p. 78–107; W e d e m a n A. Looters, Rent-Scrapers and Dividend-Collectors: Corruption and Growth in Zaire, South Korea and the Philippines. “The Journal of Developing Areas” Vol. 31, № 4, 1997, p. 457–478; E v a n s P. Predatory, Developmental and Other Apparatuses: a Comparative Political Economy Perspective on the Third World State. “Sociological

ков, которые максимизируют личную целевую функцию, используя собственное служебное положение в бюрократической иерархии (“группы Олсона”), посвятили свои работы Э. Бэнфилд, Дж. Бьюкенен, Э. Крюгер, Д. Мюллер, В. Нисканен, М. Олсон, Г. Таллок и другие²³. Однако любой бюрократический аппарат имеет как “грабительские” черты, так и черты государства развития²⁴. Полагаем, что их соотношение зависит именно от институциональной среды, в которую “встроен” аппарат государственного управления²⁵, а особенно – от уровня развития социального капитала. Подтверждением этому является работа С. Нэка и Ф. Кифера “Способствует ли социальный капитал экономическому выигрышу?”²⁶, которые в начале 90-х годов провели масштабные исследования уровня развития социального капитала в развитых и развивающихся странах. Результаты их научных разработок позволяют утверждать, что в странах с развитой институциональной средой, высоким уровнем доверия к власти и значительным объемом ВВП на человека доминируют “группы Патнэма” (с отдельными исключениями) (табл. 2).

Таблица 2*

Измерения социального капитала (международные сопоставления)

Страны	Trust (%)	Civic (%)	Confidence in government	Olson groups	Putnem groups
Норвегия.....	61,2	40,8	0,72	0,24	0,63
Финляндия.....	57,2	40,6	0,66	0,06	0,29
Швеция.....	57,1	41,6	0,65	0,27	0,64
Дания.....	56,0	40,3	0,76	0,24	0,61
Канада.....	49,6	39,7	0,70	0,52	0,29

Forum” Vol. 4, № 4, 1989, p. 561–587; Evans P. State Structures, Government-Business Relations and Economic Transformation. In: Business and the State in Developing Countries. Cornell, Cornell University Press, 1997, p. 63–88; Cumings B. Webs with no Spiders, Spiders with no Webs: the Genealogy of the Developmental State. In: The Developmental State. Cornell, Cornell University Press, 1999, p. 61–93; Патнам Р., Леонарди Р., Ханетти Р. Творення демократії. Традиції громадянської активності в сучасній Італії. К., “Основи”, 2001, 256 с.; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000, 608 с.; Putnam R. Making Democracy Work: Civic Tradition in Modern Italy. Princeton, Princeton University Press, 1993, 368 p.; Флигстин Н. Государство, рынки и экономический рост. “Экономическая социология” Т. 8, № 2, 2007, с. 41–60.

²³ См.: Banfield E. Указ. труд; Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном. М., “Таурис Альфа”, 1997, с. 207–445; Greger A. The Political Economy of the Rent-Seeking Society. “The American Economic Review” Vol. 64, № 3, 1974, p. 291–303; Мюллер Д. Общественный выбор III. М., 2007, 185 с.; Niskanen W. A. Non Market Decision Making: The Peculiar Economics of Bureaucracy. “The American Economic Review” Vol. 58, № 2, 1968, p. 293–305; Olson M., Sarna N., Swamy A. Governance and Growth: a Simple Hypothesis Explaining Cross-Country Differences in Productivity Growth. “Public Choice” Vol. 102, № 3–4, 1998, p. 341–364; Tullock G. The Economics of Special Privilege and Rent-Seeking. Kluwer, Kluwer Academic Publishers, 1989, 320 p.

²⁴ Государство развития (*developmental state*) – государство, которое поддерживает и стимулирует экономический рост, обеспечивая устойчивое развитие через производство общественных и квазиобщественных благ, субсидирование разработок новых технологий, инвестирование в НИОКР и систему высшего образования, активное участие в процессе формирования институциональной среды для инновационного развития. Экономическое развитие принимает форму модернизации в том случае, когда осуществляется “внедрение” новых механизмов, стимулирующих разработку и реализацию долгосрочной стратегии развития экономики, основанной на широком применении технологических, организационных и институциональных инноваций.

²⁵ См.: Саблин К. С. Государство развития в разных институциональных условиях. “Журнал институциональных исследований” Т. 2, № 4, 2010, с. 30–39.

²⁶ См.: Knack S., Keefer P. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation. “The Quarterly Journal of Economics” Vol. 112, № 4, 1997, p. 1251–1288.

Австралия.....	47,8	38,3	0,64	0,45	0,35
Нидерланды.....	46,2	38,4	0,63	0,53	0,25
США.....	45,4	40,5	0,61	0,83	0,42
Великобритания..	44,4	40,1	0,54	0,38	0,36
Швейцария.....	43,2	40,9	0,65	0,22	0,29
Япония.....	40,8	37,5	0,46	0,14	0,21
Южная Корея.....	38,0	39,6	0,61	0,31	0,12
Индия.....	34,3	42,7	0,60	...	...
ЮАР.....	30,5	37,0	0,70	0,52	0,16
Аргентина.....	27,0	39,5	0,28	0,19	0,21
Нигерия.....	22,9	39,2	0,73	...	...
Чили.....	22,7	36,8	0,64	0,33	0,14
Мексика.....	17,7	34,6	0,53	0,28	0,14
Турция.....	10,0	42,4	0,61	...	...
Бразилия.....	6,7	37,6	0,55	0,31	0,16

* Составлено на основе: Knack S., Keefer P. Указ. труд; Inglehart R. Codebook for World Values Surveys. Ann Arbor, Institute for Social Research, 1994, 426 p.

Trust отражает уровень доверия в обществе, когда большинство респондентов отмечают, что могут полностью доверять людям (преимущественно близким знакомым); Civic – соответственно, уровень развития гражданского общества, когда большинство респондентов, например, не избегают уплаты налогов, не используют возможность бесплатного проезда, не присваивают случайно найденные деньги и т. п.; Confidence in government – уровень доверия граждан к правительственным структурам; Olson groups – развитие “групп Олсона” в обществе (баллы указывают на их активность, где 0 – минимальная, 1 – максимальная); Putnem groups – развитие “групп Патнэма” (баллы указывают на их активность, где 0 – минимальная, 1 – максимальная).

С 2008–2009 гг. масштабные исследования социального капитала проводятся институтом “Легатум” (Legatum Institute) по таким индикаторам: уровень доверия; масштабы пожертвований; степень развития волонтерства; распространение практики помощи посторонним лицам; социальная поддержка близких; развитие института брака; религиозность в обществе; социальная сплоченность и взаимодействие в семье и общине. Статистические данные и результаты опросов обобщаются в единый индекс развития социального капитала, который является составляющей индекса процветания (Legatum Prosperity Index). Согласно таблице 3, где приведен индекс развития социального капитала за 2009–2011 гг., его наихудшее состояние наблюдается в Пакистане (–5,1 балла в 2009 г. и –2,01 балла в 2011 г.), а наилучшее – в Норвегии (4,47 балла в 2009–2011 гг.).

Если сравнивать темпы изменения социального капитала, то его существенное улучшение отмечено в Пакистане (+3,09 балла), Аргентине (+0,74 балла), Мексике (+0,73 балла), Китае (+0,64 балла), Швеции (+0,6 балла), Украине (+0,59 балла) и Беларуси (+0,52 балла). Но, поскольку большинство из этих стран относятся к государствам с развивающимися экономиками, то уровень развития социального капитала остается у них незначительным (от –2,01 балла в Пакистане до 1,36 балла в Беларуси) по сравнению с развитыми экономиками (4,47 балла в Норвегии, 4,23 балла в Новой Зеландии, 3,89 балла в Австралии, 3,79 балла в Нидерландах и т. д.). Ухудшение социального капитала касается, прежде всего, стран с развитыми экономиками, где его уровень сократился на 0,73 балла в Швейцарии, на 0,58 балла в Венгрии, на 0,44 балла в Австрии, на 0,36 балла в Италии и на 0,12 балла в США. Этому в немалой степени способствовал мировой финансово-экономический кризис, “подорвавший” доверие граждан не только к государственным и финансовым

Динамика развития социального капитала
в странах мира в 2009–2011 гг.

Страны	Г о д ы			Изменения
	2009	2010	2011	
Аргентина.....	-0,35	0,01	0,39	+0,74
Австралия.....	3,73	3,73	3,89	+0,16
Австрия.....	2,45	2,45	2,01	-0,44
Беларусь.....	0,84	1,05	1,36	+0,52
Бельгия.....	1,51	1,51	1,50	-0,01
Бразилия.....	-0,51	-0,18	-0,12	+0,39
Великобритания..	2,93	3,04	3,08	+0,15
Греция.....	-1,42	-1,90	-1,15	+0,27
Дания.....	4,16	4,16	4,32	+0,16
Эстония.....	0,58	0,13	0,13	-0,45
Израиль.....	0,76	1,78	1,11	+0,35
Индия.....	-2,19	-2,30	-2,49	-0,30
Ирландия.....	3,12	2,86	3,21	+0,09
Испания.....	0,78	0,49	0,86	+0,08
Италия.....	0,25	0,77	-0,11	-0,36
Канада.....	3,31	3,28	3,34	+0,03
Китай.....	0,32	0,85	0,96	+0,64
Мексика.....	-0,02	0,29	0,71	+0,73
Нидерланды.....	3,64	3,64	3,79	+0,15
Германия.....	2,12	1,97	2,04	-0,08
Новая Зеландия...	4,03	4,03	4,23	+0,20
Норвегия.....	4,47	4,47	4,47	0,00
Пакистан.....	-5,10	-4,98	-2,01	+3,09
Польша.....	1,01	1,01	1,21	+0,20
Португалия.....	-0,38	-0,38	-0,14	+0,24
Россия.....	-0,24	-0,10	0,12	+0,36
США.....	3,34	2,76	3,22	-0,12
Венгрия.....	-0,18	-0,18	-0,76	-0,58
Финляндия.....	3,42	3,42	3,58	+0,16
Франция.....	0,60	0,14	0,56	-0,04
Украина.....	-0,10	-0,58	0,49	+0,59
Чехия.....	0,64	0,64	0,61	-0,04
Чили.....	-0,80	-0,40	-0,27	-0,53
Швеция.....	2,84	2,84	3,44	+0,60
Швейцария.....	3,60	3,60	2,87	-0,73
Япония.....	0,84	0,68	1,04	+0,20

* Составлено на основе: The 2011 Legatum Prosperity Index: an Inquiry Into Global Wealth and Wellbeing (<http://www.prosperity.com>).

популяризация концепции социального капитала; содействие развитию демократии и гражданского общества в Украине; развитие социальной активности населения. В

²⁷ См.: <http://www.euricse.eu/sites/euricse.eu>.

²⁸ См.: www.ciriec.ulg.ac.be.

²⁹ См.: <http://www.socialcapitalgateway.org>.

³⁰ См.: <http://www.expert-portal.org/travel>.

Таблица 3* институтам, но и к благотворительной мотивации и взаимной поддержке. В развивающихся странах, наоборот, уровень социального капитала рос, что обуславливалось не только его общим низким индексом, но и стремлением граждан найти новые способы решения социально-экономических проблем “в обход” государства.

Вообще проблемами исследования социального капитала занимаются научные и общественные учреждения. В Италии, например, функционируют *European Research Institute on Cooperative and Social Enterprises (Euricse)* ²⁷, а в Бельгии – *International Centre of Research and Information on the Public, Social and Cooperative Economy (CIRIEC)* ²⁸, задача которых заключается в поиске диалога между учеными и практиками в вопросах обеспечения социально-экономического благосостояния, поддержки гражданской инициативы, расширения сотрудничества и укрепления доверия. А специально созданный сайт *Social Capital Gateway (SCG)* ²⁹ содержит научные материалы для изучения социального капитала (публикации исследований, анонсы конференций, грантов и вакансий). В Украине в 2010 г. создана общественная организация “Институт исследований социального капитала”, задачами которой являются ³⁰ профессиональное изучение и

течение 2011 г. уже было проведено несколько научных мероприятий, посвященных развитию социального капитала в Украине (“Социальный капитал и политическое участие”; “Социальный капитал: современные аспекты исследования и развития”). Ввиду существующего уровня коррупции наиболее проблемным аспектом формирования социального капитала в Украине является социальный капитал элит.

Хотя социальный капитал элит положительно влияет на работу органов власти (ведь доверие в среде политиков и чиновников, а также общие демократические ценности, которые они исповедуют, способствуют повышению эффективности работы общественного сектора экономики, и исследования, проведенные в Германии³¹, Великобритании³², Италии³³ и Польше³⁴, подтверждают эту зависимость), все же в модели политико-экономического кругооборота чаще доминируют “группы Олсона”. Это связано с несколькими факторами: во-первых, в странах с невысокими показателями уровня жизни населения, которых на карте мира больше, чем стран с высокими стандартами социально-экономического развития, индивиды имманентно стремятся к удовлетворению первоочередных потребностей (“пирамида потребностей Маслоу”³⁵), а потому исповедование принципов поведения “групп Олсона” не только в сфере бизнеса, но и в социальной и политической активности граждан становится будничным явлением; во-вторых, сочетание высокого спроса на государственное регулирование с недоверием к государству и неудовлетворенностью работой органов власти во многих развивающихся странах (так называемый “парадокс социального капитала”³⁶), является главной причиной поиска политической ренты и нежелания индивидов присоединяться к “группам Патнэма”; в-третьих, для эффективного функционирования “групп Патнэма” необходимо осуществлять перманентные инвестиции в организационное и информационное обеспечение развития социального капитала, а ожидание результата от согласованных действий экономических агентов может продолжаться достаточно долго, тогда как “группы Олсона” достигают целей и распределяют “клубные блага” со значительно меньшими затратами ресурсов. Таким образом, “миграция” индивидов из одной группы в другую является преимущественно одновекторной (из “групп Патнэма” в “группы Олсона”) (рис. 1), тогда как противоположное направление движения требует кардинальных экономических сдвигов, реального “диалога” власти и граждан, демократии, политической стабильности, социальной безопасности, что присуще для развитых стран с продолжительной историей развития гражданского общества и трудно “имплантируется” в среду, где продолжительное время исповедовались другие ценности.

Немало зарубежных экономистов³⁷, обосновывая важность развития социального капитала, апеллируют к его исключительной роли в процессе снижения неявных издержек общества и институционального прогресса. Речь идет об “издержках беспорядка” и “издержках принуждения и контроля”, которые не учитываются в

³¹ См.: C u s a k T. Social Capital, Institutional Structures and Democratic Performance: a Comparative Study of German Local Governments. “European Journal of Political Research” Vol. 35, № 1, 1999, p. 1–34.

³² См.: C a s e y T. Social Capital and Regional Economies in Britain. “Political Studies” Vol. 52, № 1, 2004, p. 96–117.

³³ См.: P u t n a m R. Указ. труд.

³⁴ См.: D z i a l e k J. Social Capital and Economic Growth in Polish Regions. “MPRA Working Paper” № 18287, 2009, p. 121–135.

³⁵ См.: M a s l o w A. Motivation and Personality. New-York, “Harper and Row”, 1954, 91 p.

³⁶ См.: A g h i o n P., A l g a n Y., C a h u c P., S h l e i f e r A. Regulation and Distrust. “Quarterly Journal of Economics” Vol. 125, № 3, 2010, p. 1015–1049.

³⁷ См.: F u k u y a m a F. Указ. труд; A l m o n d G., V e r b a S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, Princeton University Press, 1963, 450 p.

теории транзакционных издержек (к их классическим видам принято относить издержки поиска информации; издержки на осуществление переговоров и заключение контрактов; издержки измерения; издержки спецификации и защиты прав собственности; издержки оппортунистического поведения)³⁸. “Издержки беспорядка” возникают вследствие чрезмерных расходов на защиту сделок и проектов, которые могут остаться нереализованными из-за дефицита доверия между экономическими агентами, на экономическую и личную безопасность, на преодоление дефицита общественных благ и “упадка” социальной сферы, борьбу с нерегулируемыми экстерналиями (горизонтальное влияние). “Издержки принуждения и контроля” обусловлены усилиями государства по консолидации общества и стимулированием политической активности граждан (вертикальное влияние), и именно качественное развитие социального капитала способствует экономии этой части расходов.

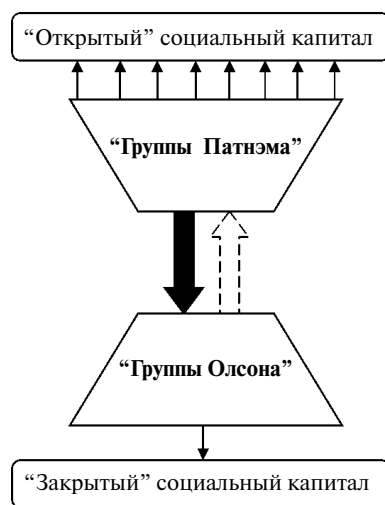

Рис. 1. Векторы миграции “групп Патнэма” и “групп Олсона”

Представления об экономическом значении социального капитала дает “кривая институциональных возможностей”³⁹, иллюстрирующая способность общества контролировать как “издержки беспорядка”, так и “издержки принуждения и контроля”. При достаточном запасе социального капитала “издержки беспорядка” относительно невелики и могут быть снижены до приемлемого уровня эффективными действиями государства без чрезмерных “издержек принуждения и контроля” (кривая I_1 рис. 2). При нехватке социального капитала “издержки беспорядка” становятся более существенными, а сокращение их уровня при участии государства сопровождается чрезмерным ростом “издержек принуждения и контроля” (кривая I_2 рис. 2).

Приведенные на рисунке 2 издержки не следует путать с отдельными видами транзакционных издержек, поскольку именно “издержки беспорядка” свидетельствуют о неэффективном функционировании общественного сектора экономики, который не обеспечивает надлежащего уровня общественных благ (выполнение им функций “де-юре” не соответствует “де-факто”), вследствие чего экономические агенты расходуют дополнительные ресурсы на защиту собственных прав. В свою очередь, “издержки принуждения и контроля” характерны для стран с неразвитым

³⁸ См.: Історія економіки та економічної думки: XX – початок XXI ст. Навчальний посібник. К., “Знання”, 2011, с. 458.

³⁹ См.: Djankov S., Glaeser E., Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. The New Comparative Economics. “Journal of Comparative Economics” Vol. 31, № 4, 2003, p. 595–619.

гражданским обществом (“плата за отсутствие демократии”). Например, ненадлежащее качество автомобильных дорог в Украине и России является причиной многочисленных ДТП, убытки от которых исчисляются не только стоимостью утраченного имущества, но и здоровьем и жизнью граждан. Возмещение же причиненных убытков организациями, несущими ответственность за качество общественного блага “автомобильная дорога”, через судебную систему в условиях “слабости” институтов гражданского общества часто является нереальным в связи с бюрократизмом, коррупцией, пробелами в законодательстве. К тому же недостаточно исследований, которые бы обосновывали потери общества от инвалидности или смерти граждан (в стоимостном выражении недополученного ВВП и неуплаченных налогов) по сравнению с расходами на надлежащее содержание автомобильных дорог или качественное финансирование других общественных благ.

Рис. 2. Социальный капитал и пределы институциональных возможностей

Во многих развивающихся странах аналогичная ситуация сложилась в сферах здравоохранения, образования, государственного управления, безопасности и обороны, поскольку государство, конституционно “закрепляя” и признавая права граждан на тот или иной вид общественных благ, вследствие некачественной работы организаций общественного сектора экономики не выполняет своих функций, а граждане для решения существующих социально-экономических проблем нередко отдают предпочтение коррупционным механизмам, а не усилиям по консолидации институтов гражданского общества. Такую ситуацию влечет за собой существование двух типов институциональных эффектов: *хреодного* (от греческого *chre* — “определенный наперед” и *odos* — “путь”), на котором базируется теория “*path dependency*” (от английского — “зависимость от прошлого”), и *гиперселекции*. Хреодный эффект связан с тем, что по некоторым случайным причинам (например, из-за неблагоприятной внешней среды) то или иное явление начинает развиваться по неоптимальной траектории, “сойти” с которой со временем становится все труднее⁴⁰. В данном случае селекционный отбор не действует или его результаты начинают проявляться лишь в исторически отдаленной перспективе⁴¹. Эффект гиперселекции означает, что некоторые неэффективные, неконкурентоспособные институты все же захватывают определенную “институциональную нишу” и удерживают ее⁴². В этом случае речь идет не только о естественных монополиях, но и о ситуациях, когда “институционально слабые” государства искусственно под-

⁴⁰ См.: Чаусовский А. Формальное и неформальное в экономике. Донецк, 2001, 206 с.

⁴¹ См.: Ющенко Н. К., Чаусовская Е. А. Институциональные ловушки в переходной экономике. “Наукові праці ДонНТУ”. Серія: економічна. Вип. 103-2, 2006, с. 60–66.

⁴² См.: Безгинюв А. И. Институциональная экономика: хреодный эффект. “Ефективна економіка” № 6, 2011 (<http://www.economy.nauka.com.ua>).

держивают неэффективное с точки зрения общества распределение ресурсов в интересах определенного круга лиц (например, во многих развивающихся странах система государственных закупок базируется на “откатах”, злоупотреблении привилегированным положением, мошенничестве, тогда как в развитых странах качественная институциональная среда позволяет свести проявления таких “институциональных ловушек” к минимуму)⁴³.

Резюмируя, подчеркнем, что влияние институтов на динамику экономического развития является двояким: как положительным, так и отрицательным. Все зависит от первоначальных институциональных условий, которые и определяют успех реформ, ведь даже несущественные исторические события не могут игнорироваться в долгосрочном периоде, поскольку нередко служат первоосновой того или иного явления⁴⁴. Эти исторические события являются своеобразными институциональными ограничениями, которые вследствие инертности технологической, институциональной и политической структур экономики могут приводить экономическую систему к ситуации “расширения” или “сворачивания” обменов⁴⁵. Если вследствие случайных исторических событий изначальный набор институтов оказался сравнительно неэффективным, то экономическая система будет воспроизводить такие неэффективные состояния, пока не возникнет новая ситуация (целенаправленное влияние через “модернизацию сверху” или “модернизацию снизу”). В развивающихся странах (в том числе в Украине) чрезмерная централизация политической системы и жесткая “вертикаль власти” нередко сужают пространство для общественной инициативы, уменьшают возможности применения социального капитала для улучшения показателей уровня жизни населения и для стимулирования экономического роста. В Украине особенно остро встает проблема “дефицита социального капитала элит”, когда чиновники высших ступеней государственного управления используют имеющийся социальный капитал исключительно для удовлетворения личных интересов или же руководствуются принципом “аморальной семейственности” в коммуникациях с социумом (а это, в свою очередь, неизбежно влечет за собой активизацию “групп Олсона” и практическое вытеснение из политического пространства “групп Патнэма”). “Модернизация снизу” блокируется также отсутствием доверия граждан к органам власти и их уверенности в том, что коллективные или индивидуальные усилия по защите нарушенных прав могут принести положительные результаты. Поэтому для формирования благоприятных институциональных ожиданий в странах со “слабыми” институтами первоочередной задачей реформаторов должно стать увеличение прослойки среднего класса, заинтересованного в совершенствовании институтов, с одновременным ослаблением стимулов к поведению, отклоняющемуся от желаемого (“проблема фрирайдера”, коррупция, “диссертационная ловушка” и т. п.)

Статья поступила в редакцию 3 мая 2012 г.

---

⁴³ По данным SFO, за 2001–2009 гг., вследствие разглашения конфиденциальной информации в сфере государственных закупок в машиностроительной, нефте- и газодобывающей отраслях Ирана, России, Египта, Сингапура и ОАЭ, этим государствам были нанесены убытки почти на 100 млн. дол.

⁴⁴ См.: В а с и л ь е в а Е. Н. Асимметричность институциональной и технологической структур экономики: проблемы взаимосвязи и взаимовлияния. “Вопросы регулирования экономики” Т. 2, № 1, 2011, с. 56–68.

⁴⁵ См.: В о л ь ч и к В. В. Нейтральные рынки, нейтральные институты и экономическая эволюция. “Экономический вестник Ростовского государственного университета” Т. 2, 2004, с. 56–68.